

С.А. Никольский, В.П. Филимонов

РУССКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ
РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
И ФИЛОСОФИИ
XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Русское мировоззрение

Сергей Никольский

**Русское мировоззрение.
Смыслы и ценности российской
жизни в отечественной
литературе и философии
XVIII – середины XIX столетия**

«Прогресс-Традиция»

Никольский С. А.

Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия / С. А. Никольский — «Прогресс-Традиция», — (Русское мировоззрение)

Авторы предлагают содержательную реконструкцию русского мировоззрения и в его контексте мировоззрения русского земледельца. Термин «русское» трактуется не в этническом, а в предельно широком – культурном смысле. Цель работы – дать описание различных сторон этого сложного явления культуры. На начальном этапе – от Пушкина, Гоголя и Лермонтова до ранней прозы Тургенева, от Новикова и Сковороды до Чаадаева и Хомякова – русская мысль и сердце активно осваивали европейские смыслы и ценности и в то же время рождали собственные. Тема сознания русского человека в его индивидуальном и общественном проявлении становится главным предметом русской литературной и философской мысли, а с появлением кинематографа – и визуально-экранного творчества.

Содержание

Предисловие	5
I. Введение. Отечественные философы и публицисты XVIII – середины XIX столетия о мировоззрении русского простолюдина	16
Глава 1. Отечественные философы и публицисты XVIII – начала XIX столетия о мире, человеке и крепостном праве	17
Глава 2. Основные идеи и ценностные установки мировоззрения русских философов первой трети XIX столетия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

С.А. Никольский, В.П. Филимонов

Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия

Предисловие

Тема русского мировоззрения и, в ее контексте, мировоззрения земледельческого хотя и может показаться знакомой, на самом деле почти не освоена.

В самом деле, разве не пишут о русском мировоззрении Н. Бердяев и С. Франк? Разве не открывает нам его глубины гений А. Пушкина и Н. Гоголя? И разве нет в творчестве великого И. Тургенева персонажей-земледельцев, чьи мысли о мире и самих себе впервые в русской литературе формулируются развернуто и внятно?

Размышление над понятием русского мировоззрения и, в его контексте, мировоззрения русского земледельца составляет содержание нашего исследования. То есть говорить о какого бы то ни было рода дефиниции возможно лишь в финале работы. Вот почему было бы ошибочно ожидать, что авторы с самого начала сообщат читателю, что такое русское мировоззрение вообще и земледельческое мировоззрение в частности, а также сразу дадут их определения. Мы также не претендуем на целостный аутентичный анализ тех идейных пластов, из которых состоит каждый рассматриваемый нами художественный текст, тем более что мы, как правило, будем иметь дело с образцами высокой литературы. Это же относится и к воззрениям русских философов, чье «присутствие» в контексте нашей проблематики мы посчитали необходимым.

Тем не менее предстоящая работа требует некоторого исходного понимания феномена мировоззрения, и потому нам все же необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Если попытаться обозначить содержание этого феномена, выходя за рамки отдельного индивида и обращаясь к социальному слою или даже народу, то можно встретить массу трудностей. Проиллюстрируем некоторые из них, связанные с пониманием субъекта мировоззрения.

География, природно-климатические, исторические и собственно культурные факторы вынуждают рассматривать Россию не столько как целостно-единообразное, сколько как синтетическо-многообразное системное явление, внутри которого по этим критериям можно выделить различные мировоззренческие типы.

В связи с темой мировоззрения земледельца придется добавить еще одно измерение – «исторически длительный период существования в условиях свободы или рабства». Согласно этому критерию, половина населения страны вообще никогда не жила в условиях крепостного права, а в каких-то регионах оно проявляло себя то в большей, то в меньшей степени.

Помимо этого, на наш взгляд, имеет смысл ввести и предложить личностный критерий различения синкретичного понятия «русское мировоззрение», представляющий собой совокупность как минимум трех элементов: нравственно проработанной позиции субъекта, глубины и объема освоенных данным субъектом культурных смыслов и ценностей, собственного личного достоинства.

Различение с применением личностного критерия сопряжено в основе своей с включением субъекта в тело культуры, с выбором субъектом характера и траектории связи с тем или иным содержанием традиций – традиций своей семьи, своего социального слоя, народа и страны, а также с личной жизненной позицией и практикой, что обусловлено в конечном счете не только социальными, но и индивидуальными биопсихологическими факторами.

Очевидно, что в процессе социализации каждый конкретный субъект вырабатывает собственное отношение к наследуемому им прошлому. Познавая прошлое, он выносит относительно него свое суждение, принимает ту или иную трактовку его содержания, вырабатывает сам или принимает те или иные его оценки. Осваивая в познавательном и предметно-практическом смысле действительность, он определяется в отношении прошлого и настоящего, проективно позиционирует себя в вероятном будущем. В процессе личностного самоопределения и происходит становление мировоззрения конкретных субъектов.

Вместе с тем, как нам представляется, в этом процессе формируются не только не поддающиеся систематизации и классификации индивидуально неповторимые типы, но складываются и могут быть выделены различные синкретичные субъекты. И это не просто, например, раб-крепостной и господин-помещик. Внутри этих социальных типов встречаются «господствующие рабы», которые ощущают и проявляют себя независимо, в то время как среди помещиков попадают подлинно рабские натуры. Вспомним, например, фигуры немого Герасима и его хозяйки – крепостницы-помещицы в рассказе Тургенева «Му-му». Достоинство, ощущение себя частью великого природного целого, а не одним из предметов имущества барыни, готовность, если его самоощущение будет попрано, отправиться на дно реки вслед за собачонкой – вот что прочитывается в нравственной позиции и поведении великана-немого. Будучи крепостным – всего лишь живым орудием в руках помещицы, – сам Герасим таковым себя не ощущает и не признает. И если бы ему представилась возможность самоопределиваться в семейной, социально-групповой или народной истории, то его личностное измерение можно было бы считать критерием для выделения определенного типа русского мировоззрения.

Или другой пример. Обладают ли Илья Ильич Обломов и Андрей Иванович Штольц – герои романа И.А. Гончарова «Обломов» – общим мировоззрением или по крайней мере таким, которое совпадает в значительной части своих характеристик и черт? Вероятно, да. Но только когда мы говорим о нравственно-достойном позиционировании обоих героев по отношению к внешнему миру. Оба сходятся в том, что относиться к миру следует так, чтобы при этом не утратить собственное достоинство. Безусловно, в практическом отношении к миру они выступают по-разному: один – пассивно-бездеятельно, другой – творчески-преобразовательно. Но как же в таком случае объединять их под одним общим понятием «русское мировоззрение»? Столкнувшись с этой проблемой, многие исследователи и начали числить Штольца немцем, то есть обладателем иного, нерусского мировоззрения.

Еще один пример такого рода – из истории. Отличалось ли мировоззрение дворян, выступивших 14 декабря 1825 г. против Николая I, от мировоззрения тех, кто остался верен царю? Риторический вопрос. Но в таком случае как можно говорить об общем русском мировоззрении применительно к данному историческому периоду и конкретным событиям? А что делать со «степным» (В.К. Кантор) по своей сути мировоззрением Ивана Грозного и западнической ориентацией Петра Великого? Искать в них некие отличающие обоих русских инварианты? Может быть, но это не снимает проблемы различения внутри самого русского мировоззрения. Или аутентичным проявлением русского мировоззрения считать итоговый исторический результат и мировоззрение, возобладавшее в результате борьбы? В случае Петра это будет мировоззрение, в котором не будут учтены мировоззрения его оппонентов, например бояр, а в случае с Николаем I нужно будет пренебречь мировоззрением декабристов. Вряд ли это будет верно.

Как ни посмотри, оказывается, что единого русского мировоззрения нет. Более того, ни один из видов русского мировоззрения не исчезает бесследно, а дает о себе знать или даже берет реванш в иное время. (В известном смысле мировоззрение Сталина – ремейк мировоззрения Ивана Грозного.)

Поэтому мы предлагаем говорить не о некоем едином русском мировоззрении, а об основных его типах, присущих россиянам. Конечно, они необязательно должны пребывать в антагонистической борьбе. Разные типы мировоззрения, обладая собственной траекторией развития, могут находиться на различных ступенях существования: один может переживать стадию «зрелости», в то время как другой только заявляет о своем историческом «рождении» и его, возможно, ожидает большое будущее. Впрочем, это пока догадки, которые нам предстоит проверить в дальнейшем.

Обсуждая понятия «мировоззрение» и «русское», было бы уместно напомнить слова выдающегося русского ученого Д.С. Лихачева: «Национальные особенности – достоверный факт. <...> Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности – значит делать мир народов очень скучным и серым. <...> Именно индивидуальные особенности народов связывают их друг с другом, заставляют нас любить народ, к которому мы даже не принадлежим, но с которым столкнула нас судьба. Следовательно, выявление национальных особенностей характера, значение их, размышление над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы. Размышление над этими национальными особенностями имеет общее значение. Оно очень важно»¹.

Возникнув на начальном этапе становления отечественной философской мысли и достигнув своего наивысшего расцвета в конце XIX – начале XX вв., в дальнейшем проблематика русского мировоззрения была предана забвению. Ее место, как известно, было занято советской идеологией, в частности учением о коммунистическом мировоззрении. Цель настоящей работы – показать, что значительная часть проблематики русского мировоззрения, какой она видится сегодня, имеет глубокие исторические корни и по-прежнему актуальна.

В пользу этого замечания есть и определенные лингвистические доводы. Так, о своего рода национальной мировоззренческой первооснове говорят языковые проявления сознания: русские «типично национальные» понятия – «душа», «судьба», «тоска», «счастье», глагольные формы – «собираться», «добираться», «постараться», «сложилось», «довелось», «получилось», «появилось». Они, как отмечают филологи, характерны именно для нашей национальной языковой картины мира, а в других языковых картинах мира отсутствуют².

В качестве рабочей гипотезы мы полагаем, что национальное мировоззрение возникает у народа не сразу: ему предшествуют некоторые «протоформы» – «мироощущения» и «мировосприятия», сходящиеся в «миросознание». Эти неотрефлексированные, а подчас и вовсе неосознанные первичные мировоззренческие образования на определенной стадии исторического развития оказываются присущими народу в целом либо его большим социальным группам. Учитывая постепенность движения от состояния «миросознания» до состояния «мировоззрения», мы будем употреблять эти термины как взаимозаменяемые.

Понятие «русское» трактуется нами, конечно, не в этническом, а в предельно широком – культурном смысле. Мировоззрение индивида, не принадлежащего к русскому этносу, но принимающего как родные русскую культуру и русский язык, можно характеризовать как русское. Так, в XX в. «русскими поэтами» ощущали и называли себя, например, великие мастера русского слова еврей Осип Мандельштам и Иосиф Бродский.

---

¹ Лихачев Д.С. Заметки о русском. М., 1981. С. 64–65.

² См., например: Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 452–460.

При определении «местоположения» мировоззрения в системе духовных координат мы полагаем верным, как это рекомендовалось еще выдающимся русским философом С.Л. Франком, обратить внимание на содержательные компоненты «национального духа». В его известной статье «Русское мировоззрение» читаем: «Национальное мировоззрение, понимаемое как некое единство, ни в коем случае, конечно, не является национальным учением или национальной системой – таковых вообще не существует; речь идет, собственно, о *национальной самобытности мышления* самого по себе, о своеобразных *духовных тенденциях и ведущих направлениях*, в конечном счете *о сути самого национального духа*. Объект нашего исследования – не таинственная и гипотетическая “русская душа” как таковая, а ее, если можно так выразиться, объективные проявления и результаты, точнее, преимущественно *идеи и философемы*, объективно и ощутимо для всех *содержащиеся в воззрениях и учениях русских мыслителей*. <... > Поскольку облечь в понятия внутреннее содержание национального духа и выразить его в едином мировоззрении крайне трудно, а исчерпать его каким-либо понятийным описанием и вовсе невозможно, мы должны все-таки исходить из предпосылки, что *национальный дух* как реальная конкретная духовная сущность вообще *существует* и что *мы путем исследования его проявлений в творчестве* сможем все-таки прийти к пониманию и сочувственному постижению его внутренних тенденций и своеобразия»³.

В этом же духе о методе познания национального мировоззрения, переданного художником в литературных текстах, говорил и один из крупнейших русских философских и религиозных мыслителей XX столетия отец Сергей Булгаков. В своих работах, посвященных исследованию философского содержания творчества А.П. Чехова, в качестве метода анализа мировоззрения его героев он предлагал «*суммирование мыслей и впечатлений, этими произведениями вызываемых*». Конечно, впечатления зависят от художественных средств, от того, как писатель доносит до нас то или иное переживание, ту или иную идею. Однако для понимания духовного мира художника и изображаемых им персонажей нам, подчеркивает Булгаков, важно остановить наше внимание не столько на художественной стороне, сколько на том, «что составляет святая святых в каждом человеке, будь он великий мастер или заурядный чернорабочий, *на его мирозерцании*»⁴.

В приведенном тезисе Франка о понимании и сочувственном постижении национального духа прежде всего хотелось бы обратить внимание на две принципиально важные мысли: национальный дух постигаем через исследование творчества (а в первую очередь Франк имеет в виду творчество литераторов и философов) и «понимание и сочувственное постижение» есть ключевые установки методологии исследования проблемы. При этом, как представляется, если предметом «понимания» могут быть идеи и философемы, то с предметом «сочувственного постижения» дело обстоит сложнее. На наш взгляд, в системе русского мировоззрения сочувственному постижению исследователя могут быть доступны только такие его элементы, которые действительно вызывают в нас, исследователях, согласное, согласованное с нами чувство (со-чувство). Если же эти элементы таковое чувство не вызывают, а даже порождают противное чувство, в том числе неприятие или негодование, то исследователям не остается ничего иного, как постараться понять и сколь возможно рационально объяснить наблюдаемое – разумеется, с позиции исследуемого исторического времени.

Предлагаемый Франком метод понимания и сочувственного постижения имеет «трехшаговый» характер. Во-первых, в воззрениях и учениях русских мыслителей (не только философов, но и писателей) нужно найти объективно и ощутимо содержащиеся «идеи и философемы». Во-вторых, своеобразие этих идей и философем необходимо постичь посредством «интуитивного углубления и вчувствования». И наконец, в-третьих, на этой основе

---

³ Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 163. – Курсив наш. – С.Н., В.Ф.

⁴ См. ст. С.Н. Булгакова в кн.: Путешествие к Чехову. М., 1996. С. 592. – Курсив наш. – С.Н., В.Ф.

должно состояться «сочувственное постижение» внутренних тенденций и своеобразия «национального духа». Отметим, что во всех «трех шагах» большую роль играет не столько рационально-логическое, сколько интуитивно-чувственное постижение. Хотя значение рационально-логического постижения, по крайней мере на заключительных этапах этого анализа – от классификации и систематизации до построения системы, преуменьшать также нельзя.

Однако только этих установок – понимания и сочувственного постижения – для осмысления проблемы во всей ее объемности недостаточно. Требуется дополнительное прояснение. Прежде всего онтологическое – национальное (в том числе и русское) мировоззрение не возникает у народа в оформленном виде в самом начале его исторического пути: народу нужно прожить некоторую, иногда значительную, часть своей истории, накопить в общественном сознании и памяти определенную критическую массу впечатлений о пережитых событиях. И уже на их основе народ составляет внятное, отрефлексированное представление об окружающем мире и о себе самом, формулирует систему отличительных фундаментальных принципов, жизненных смыслов и правил, которым, по мере осознания и публичного приятия, придается общенародный статус. В этом смысле, как мы полагаем, дух народа есть концентрированное выражение его истории, как объективной, так и истории его общественного сознания, включая историю идей, базовых ценностей, переживаний, чувств.

Впрочем, во всякий момент исторического развития не только реальное событие формирует народное мировоззрение и народный дух, но и само событие является продуктом и результатом материализации народного мировоззрения и народного духа. Причем поведение отдельных личностей не раз служило причиной такого поворота событий, который никак не вытекал из предшествующих ему мировоззренческих установок народа.

В гносеологическом отношении национальному мировоззрению, как нам представляется, присущи некоторые особенности. Во-первых, народ исключительно редко заявляет о своем мировоззрении сам. Как правило, суждения выносят рефлексирющие на этот счет философы и писатели, которые собственные представления о народном мировоззрении предлагают в качестве мировоззрения народа. Отличить их представление от отображаемого ими за редким исключением не представляется возможным, и остается только полагаться на проницательность и честность «толкователей». Вторая гносеологическая особенность национального мировоззрения, на наш взгляд, состоит в том, что перед исследователем всегда стоит вопрос – какие из мировоззренческих проявлений считать индивидуальными или типичными для небольших групп, а какие отнести в разряд мировоззрения больших групп и даже установок национального мировоззрения.

Не забегая вперед, мы хотели бы обратить внимание на следующее: как часто и на каком основании та или иная характерная особенность или установка подается писателями или философами как собственно национальная и в какой мере исследователи согласны считать ее именно таковой. Так, например, А.С. Пушкин, В.А. Соллогуб, Л.Н. Толстой и другие русские писатели неоднократно говорили об одной и той же установке или даже убеждении русского дворянства – о праве «жить не по средствам»⁵.

---

⁵ Вспомним «Евгения Онегина»: «Служив отлично-благородно / Долгами жил его отец / Давал три бала ежегодно / И промотался наконец» (*Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. IV. М., 1981. С. 7). // В беседах главных героев повести В.А. Соллогуба «Тарангас» Ивана Васильевича и Василия Ивановича неоднократно повторяются слова о болезни русского дворянства – так называемой «жизни сверх состояния»: «Кажется, что наши дворяне ищут нищеты. У нас дворянская роскошь придумала множество таких требований, которые сделались необходимыми, как хлеб и вода; например, толпу слуг, лакеев в ливреях, толстого дворецкого, буфетчиков и прочей сволочи от двадцати до сорока человек, большие квартиры с гостиными, столовыми, кабинетами, экипажами в четыре лошади, ложи, наряды, кареты, – словом, можно сказать, что в Петербурге роскошь составляет первую жизненную потребность. Там сперва думают о ненужном, а уж потом о необходимом. Зато и каждый день дворянские имения продаются с молотка» (Соллогуб В.А. Три повести. М., 1978. С. 162). // Из «Анны Карениной» Л.Н. Толстого приведем диалог Степана Аркадьевича Облонского и Бартнянского о деньгах. // «– Деньги нужны, жить нечем. // – Живешь же? // – Живу, но долги. // – Что ты? Много? – с болезнованием сказал Бартнянский. // – Очень много, тысяч двадцать. // Бартнянский весело расхохотался. // – О, счастливый человек! – сказал он. – У меня полтора миллиона и ничего

Ведь отсюда вовсе не следует, будто такая установка была присуща исключительно русскому дворянству. Нечто похожее обнаруживается и у представителей привилегированных классов других стран. А если говорить о крестьянах, то в мировоззрениях, например, русского и французского крестьянства есть особенности, ярко проявляющиеся у одних и начисто отсутствующие у других в одно и то же историческое время⁶.

Заявленная тема также требует пояснений в связи с попыткой соединения в ней философского, литературоведческого и киноведческого анализа. Как отмечал Бердяев, «противоречия русского бытия всегда находили себе отражение в русской литературе и русской философской мысли»⁷. Еще определеннее и сильнее высказывался на эту тему Франк. Анализируя вопрос о познании духовного начала в русском народе посредством изучения творчества Пушкина, философ отмечал, что мысли Пушкина, выраженные в его прозе и поэзии, как и его непосредственные духовные интуиции, образуют то, что можно назвать «духовным содержанием творчества Пушкина». «...Гений – и в первую очередь гений поэта – есть всегда самое яркое и показательное выражение народной души в ее субстанциальной первооснове»⁸. На связь литературного и философского анализа действительности, даже на литературную форму русского философствования как на особенность именно отечественной философской традиции Франк указывал специально: «В России наиболее глубокие и значительные мысли и идеи были высказаны не в систематических научных работах, а в литературной форме. Мы видим здесь художественную литературу, пронизанную глубоким философским восприятием жизни: кроме всем известных имен Достоевского и Толстого, я напому о Пушкине, Лермонтове, Тютчеве, Гоголе. Собственной формой русского философского творчества выступает свободно написанная статья, которая крайне редко посвящена определенной философской теме и обыкновенно пишется “по поводу”, связанному с какой-либо проблемой исторической, политической и литературной жизни, и в то же время затрагивает глубокие и важные мировоззренческие вопросы»⁹.

Оговаривая обстоятельства, которые нам необходимо учитывать при занятиях темой русского мировоззрения и, в её пределах, темой мировоззрения русского земледельца, мы хотели

нет, и, как видишь, жить еще можно!» (Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 9. М., 1982. С. 321–322). // Об этой же дворянской «болезни» вспоминает и А.И. Герцен в «Былом и думах»: «Отец мой провел лет двенадцать за границей, брат его – еще дольше; они хотели устроить какую-то жизнь на иностранный манер без больших трат и с сохранением всех русских удобств. Жизнь не устраивалась, оттого ли, что они не умели сладить, оттого ли, что помещичья натура брала верх над иностранными привычками?» (Герцен А.И. Былое и думы. М., 1969. С. 34).

⁶ Обратимся, например, к роману «Крестьяне» Оноре де Бальзака. Действие в нем происходит в одной из деревень Франции в начале XIX в. Лесник пытается арестовать крестьянку, совершившую незаконную порубку молодого дерева. // «...Тут распахнулась дверь и, преодолев усилием воли, никогда не покидающей контрабандиста, последнее препятствие – крутую лестницу, – в кабачок влетела и растянулась во весь рост бабка Тонсар. <...> // Вслед за старухой в дверях показался лесник... // После минутного колебания лесник сказал... // – У меня есть свидетели. <...> В вязанке у нее десятилетний дубок, распиленный на кругляки... // – Свидетели чего?.. Что ты говоришь? – проговорил Тонсар (сын старухи. – С.Н., В.Ф.), став перед лесником. – Убирайся-ка отсюда подбру-поздорову... Можешь составлять протоколы и хватать людей на дороге, там твое право, разбойник, а отсюда уходи. Мой дом, надо думать, принадлежит мне. // – Я поймал ее на месте преступления. Идем со мной, старая. // – Арестовать мою мать у меня в доме, – да какое ты имеешь на это право? Мое жилище неприкосновенно! Уж это-то мне хорошо известно. Есть у тебя приказ об аресте за подписью следователя, господина Гербе? Сюда без судебного постановления ты не войдешь!» (Оноре де Бальзак. Собр. соч.: В 24 т. Т. 18. М., 1998. С. 65). // При этом Бальзак, отмечая довольно высокий уровень правового сознания крестьян, вовсе не идеализирует их. Более того – жестко судит: «...Следует раз навсегда разъяснить людям, привыкшим к крепким устоям буржуазных семейств, что в крестьянском быту не очень-то щепетильны по части морали. Родители обольщенной дочери только в том случае зывают к нравственности, если обольститель богат и труслив. На сыновей, пока государство не отнимет их у семьи, в деревне смотрят, как на средство наживы. Корысть завладела всеми помыслами крестьян, после 1879 года в особенности; им не важно, законен ли тот или иной поступок, не безнравствен ли, а только выгоден ли он для них, или нет. <...> Вполне честный и нравственный крестьянин – редкость» (Там же. С. 51). // Можно ли, говоря о правовом сознании, представить нечто подобное в системе отношений власти и русских крестьян не то что в начале XIX в., но и столетие спустя?

⁷ Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М., 2000. С. 228.

⁸ Франк С.Л. Русское мировоззрение. С. 213, 214.

⁹ Там же. С. 151.

бы отметить, что в отечественной философии, когда она обращается к мировоззрению и его первичной форме – мирознанию русского человека, мы почти не находим указаний на то, что речь идет о мирознании представителя какого-то определенного общественного слоя, например земледельца – крестьянина или помещика (земледельца, как правило, не столько непосредственного, сколько, так сказать, опосредованного). Обычно говорится о мирознании или мировоззрении русского народа в целом. Однако, по нашему мнению, в этом случае (по крайней мере в XVIII и XIX вв.) имеется в виду прежде всего земледелец. Наша уверенность основывается на том факте, что в те времена российское население на девяносто процентов состояло из жителей деревни или живших в городах, но существовавших за счет деревни помещиков. Впрочем, города эти (уездные прежде всего) не слишком отличались от деревенских поселений. Когда же русские философы хотели подчеркнуть иную социальную принадлежность (за рамками «русского народа»), они говорили о русской интеллигенции, духовенстве или офицерстве. Таким образом, по нашему мнению, для русской философии фигуры крестьянина и помещика – сельского дворянина в качестве предмета размышления являются центральными.

То же самое характерно и для русской литературы. При этом в отличие от философии, занятой попыткой реконструкции национального мировоззрения в его целостности, литература начиная с «Записок охотника» Тургенева, то есть примерно с середины XIX столетия, работает с персонажами в их индивидуально-типической конкретности. Именно конкретность позволяет глубже воспринимать проявляемые через персонажи национальные черты и оценивать справедливость предлагаемого литератором обобщения. Эта же мысль верна и для философа. То есть конкретные персонажи и демонстрируемые ими качества, типы мировоззрения, равно как и примеры нравственного или безнравственного поведения, вкуче могут выступать в качестве критерия для подобной оценки философами. Показать, что литературная конкретика была одним из оснований для философских обобщений, а философские обобщения, в свою очередь, поверялись литературными образами, – одна из центральных линий, проходящих через все наше исследование.

Конечно, литераторы не могут предоставить читателю мировоззрение земледельца – крестьянина или помещика в их имманентном виде. Художественный текст не исторический документ, в отличие, например, от писем крестьян, их документальных обращений к властям или фольклорных произведений. В литературном произведении мы чаще всего имеем дело с авторским вымыслом, представлениями самого художника о мировоззрении создаваемых им персонажей. Однако представления эти, с одной стороны, тяготеют к форме обобщенно-типической, возникают на основе художественного познания конкретной действительности и потому оказываются не менее ценны и значимы, чем философское познание и обобщение. С другой стороны, созданные художником образы суть продолжение, воплощение, материализация осознаваемых им его собственных пороков, представленных, естественно, не в непосредственном, а в превращенном виде. Так, Гоголь, отвечая на вопрос о том, почему же его поэма так «испугала Россию», пишет: «“Мертвые души” не потому так испугали Россию и произвели такой шум внутри ее, чтобы они раскрыли какие-нибудь ее раны или внутренние болезни, и не потому также, чтобы представили потрясающие картины торжествующего зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого, что нет ни одного утешительного явления, что негде даже и приотдохнуть или перевести дух бедному читателю и что по прочтенье всей книги кажется, как бы точно вышел из какого-нибудь погреба на Божий свет. Мне бы скорей простили, если бы я выставил картинных извергов; но пошлости не простили мне. Русского человека испугала его ничтожность более чем все его пороки и недостатки. <...> Вот в чем мое главное достоинство; но достоинство это, говорю

вновь, не развилось бы во мне в такой силе, если бы с ним не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная история. Никто из читателей моих не знал того, что, смеясь над моими героями, он смеялся надо мной.

<...> Во мне заключалось собрание всех возможных гадостей, каждой понемногу, и притом в таком множестве, в каком я еще не встречал доселе ни в одном человеке. <...> Я стал наделять своих героев сверх их собственных гадостей моей собственной дрянью»¹⁰.

Что же происходит в этом случае? Не оказывается ли художественное произведение лишь слепком с души писателя¹¹, не имеющим отношения к самой жизни, то есть не теряет ли художественное произведение способность быть свидетельством, эстетическим документом действительности? Вопрос этот не праздный и, как известно, волновавший многих великих писателей. Вот какой ответ на него находим опять-таки у Гоголя: «...Когда я начал читать Пушкину первые главы из “Мертвых душ”... Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: “*Боже, как грустна наша Россия!*” Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда»¹².

Можно сказать, что созданное писателем не есть исключительно слепок с его души, а в преломленном через душу виде является прежде всего слепком с действительности; обе эти составляющие философско-художественного обобщения непременно должны присутствовать. В разговоре с адресатом письма Гоголь сетует: «Вот если бы ты... да собрал бы... дельные замечания на мою книгу, как свои, так и других умных людей, занятых, подобно тебе, жизнью опытною и дельною, да присоединил бы к этому множество событий и анекдотов, какие ни случались в околотке вашем и во всей губернии, в подтверждение или в опровержение всякого дела в моей книге, которых можно бы десятками прибрать на всякую страницу, – тогда бы ты сделал доброе дело, и я бы сказал бы тебе мое крепкое спасибо»¹³.

«Тебе объяснится также и то, почему не выставлял я до сих пор читателю явлений утешительных и не избирал в мои герои добродетельных людей. Их в голове не выдумаешь. Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств – мертвечина будет все, что ни напишет перо твое, и, как земля от Неба, будет далеко от правды. Выдумывать кошмаров – я также не выдумал, кошмары эти давили мою собственную душу: что было в душе, то из нее и вышло»¹⁴.

Таким образом, заручившись свидетельствами двух великих авторов о том, что подлинное художественное произведение может быть достаточным документом, посредством которого возможен анализ отражаемой в нем действительности, перейдем к дальнейшему обоснованию нашего предмета исследования.

Наше внимание будет уделено земледельцам, то есть тем субъектам хозяйствования, чья жизнь и деятельность прямо или косвенно связаны с занятиями сельскохозяйственным трудом, в первую очередь – с возделыванием земли. В XVIII и XIX столетиях это были помещики

---

¹⁰ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1994. С. 77–78. – Курсив наш. – С.Н., В.Ф.

¹¹ Да и «слепком с души» «гадость и дрянь» в полном смысле назвать нельзя в силу того, что отношение к ним автора принципиально иное, чем у его героев. «Не думай, однако же, после этой исповеди, – продолжает Гоголь в письме к анонимному адресату, – чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них. Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет Бог» (Там же. С. 81).

¹² Там же. С. 79. – Курсив наш. – С.Н., В.Ф.

¹³ Там же. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 81.

и крестьяне¹⁵ разного статуса – помещицы, государевы, свободные. С конца XIX в. к ним добавились, а частично и вытеснили капиталистические предприниматели – сельские буржуа-«кулаки», а также наемные работники-«батраки». В период советской власти к категории земледельцев относили колхозников, рабочих совхозов и немногочисленных крестьян-единоличников, а в конце XX столетия в нее вошли и постепенно стали занимать их место фермеры, управляющие и члены корпоративных (ЗАО, ОАО, ООО, ТНВ и других) сельскохозяйственных производственных структур.

Как отмечалось, избранная нами для рассмотрения социальная группа земледельцев в российском обществе всегда была очень многочисленной. По этой причине мировоззрение земледельцев периода XVIII – середины XIX в. можно считать совпадающим с русским мировоззрением вообще.

О терминах «русское» и «российское» необходимо сказать следующее. Безусловно, термин «российский» шире и включает в себя мировоззрение не только русского, но и других народов. Однако в анализируемом нами текстовом материале (по крайней мере, вплоть до начала XX столетия) практически нет обобщений (за исключением, пожалуй, тех, которые содержатся в текстах Гоголя и Сквороды), выходящих за рамки «русского мировоззрения». По этой причине и в связи с тем, что изучение мировоззрения иных народов, кроме нашего собственного, потребовало бы дополнительных значительных усилий, поставленная нами задача и без того широка, мы будем анализировать только русское мировоззрение, прежде всего в его базовом проявлении – мировоззрении русского земледельца.

Следующий вопрос, требующий пояснения, – что именно и на основании каких критериев мы будем включать в содержание понятия «мировоззрение русского земледельца». Сейчас, на начальной стадии исследования, нам представляется правильным относить к его содержанию те идеи, взгляды, представления (и далее – по данному ранее определению понятия «мировоззрение»), которые, во-первых, непосредственно выделяются в качестве таковых самим автором философского или литературного текста; во-вторых, непосредственно обозначаются в качестве таковых художественным персонажем или персонажами; и наконец, в-третьих, хотя и не проговариваются автором или художественным персонажем, но тем не менее проходят через весь текст произведения и могут быть выведены из него методом «интуитивного углубления и вчувствования» и названы в качестве таковых читателем, а значит, и нами, авторами исследования.

Начиная с XX в. наряду с литературой и философией еще одной формой художественного освоения действительности стал кинематограф. Нас будет интересовать экранизация произведений отечественной литературы. При этом мы понимаем, что экранизация литературной классики – это всегда взаимодействие, диалог культур. И если в классическом произведении мы видим своеобразное инобытие, проявление конкретной эпохи, заключающей в себе вопрос, то экранизация вполне может рассматриваться как ответ на него или постановка нового вопроса. Поэтому кино открывает большие возможности для отслеживания мировоззренческого диалога эпох, в котором участвуют не только авторы текста и кинофильма, но и зрители.

Поскольку наряду с анализом другим важнейшим исследовательским методом нашей работы будет сравнение, в том числе и сравнение содержания мировоззрений, выделяемых разными авторами, нам представляется необходимым очертить те основные тематические сферы, в которых мы намерены в первую очередь предпринять реконструкцию феномена мировоз-

---

¹⁵ Здесь нам представляется уместным привести одно из определений крестьянства. По нашему мнению, это «одна из исторически первых появившихся на земле социальных групп, занятая натуральным или натурально-товарным сельскохозяйственным производством на базе семейного хозяйства (двора), существующая в специфическом природном и культурном контекстах, а также отличающаяся особым типом ментальности и подчиненным положением по отношению к власти и иным социальным группам». Подробнее см., например: *Никольский С.А.* Крестьянство. Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. II. С. 20.

зрения русского земледельца. Наиболее значимыми сферами представляются: отношения земледельцев с природой и природа (страсти) самих земледельцев; отношения крестьян и помещиков между собой; отношения крестьян и помещиков с городом и властью, религией и культурой. Также будут рассмотрены представления русских земледельцев о собственности, праве и нравственности.

Конечно, из этого не следует, что мы откажемся от содержательного анализа мировоззрения земледельца в других сферах и отношениях. Однако перечисленным тематическим сферам будет уделено преимущественное внимание.

В отрезке времени с XVIII до середины XIX в. о собственно мировоззрении русского земледельца можно говорить лишь ближе к концу рассматриваемого периода. До этого – более адекватным нам представляется употребление термина «миросознание» как снижающего самостоятельность и индивидуальность, личностное и рефлексивное начало и подчеркивающего относительно пассивную природу миросознания. Мировоззрение, на наш взгляд, является характеристикой развитой личности, и потому говорить о мировоззрении земледельца XVIII в. можно лишь по отношению к действительным мыслителям (например, к А.Н. Радищеву), а не к персонажам их произведений. То есть когда писатели создают образы, личностно не вполне развившиеся, правильнее говорить не об их мировоззрении, а об их миросознании: значит, они еще не достигли того уровня, когда на мир и на самих себя взирают отрефлексированно и осмысленно.

Кроме того, до середины XIX в. в литературе и философии речь идет не о мировоззрении земледельца, а о русском мировоззрении. И лишь с прозы Тургенева появляется устойчивая исследовательская работа по выделению из русского мировоззрения мировоззрения земледельца: помещика и крестьянина.

Важным, требующим предварительного разъяснения является вопрос об отборе писательских персоналий. На основе чьих произведений мы намерены обсуждать тему русского мировоззрения и мировоззрения русского земледельца. В этой связи точным нам представляется замечание известного литературоведа второй половины XIX столетия Е.А. Соловьева о русских писателях 1830– 1840-х гг. В это время, замечает исследователь, в российском обществе сложилось «рановременное убеждение», что «мы не только великий народ, но что мы – великое, вполне овладевшее собою незыблемо твердое государство... Явилась целая фаланга людей, бесспорно даровитых, но на даровитости которых лежал общий отпечаток внешности, сопутствующей той великой, но чисто внешней силе, которой они служили отголоском. <... > Произведения этой школы, проникнутые самоуверенностью, доходившей до самохвальства, посвященные возвеличению России во что бы то ни стало, в самой сущности не имели ничего русского, это были какие-то пространные декорации, хлопотливо и небрежно воздвигнутые патриотами, не знавшими своей родины». В то же время, продолжает Соловьев, в России были и другие литературные силы: во главе литературы стояли «Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Кольцов, Жуковский, Вяземский; как критик в 34-м году начал свою деятельность Белинский; среди молодого поколения уже появились только еще вступающие на литературное поприще Тургенев, Некрасов, Достоевский, Григорович, Гончаров, Островский. Разумеется, с такими гигантами не под силу было справиться “барабанной” поэзии...»¹⁶.

Наше внимание, таким образом, будет концентрироваться не на «барабанных», а на действительно «великих русских литературных силах», оно будет направлено на «критическое», магистральное, плодотворное, а не сопутствующее, «ложнопочвенническое».

Еще одно замечание – относительно периодизации исследования. Начинаем мы примерно с середины XVIII столетия – времени появления в России литературы в собственном смысле и зарождения русской философии. Вместе с тем мы принимаем как данность тот факт,

---

¹⁶ Соловьев Е.А. И.С. Тургенев: его жизнь и литературная деятельность. М., 2005. С. 34–35.

что говорить в полной мере о русском литературном творчестве в его развитом виде возможно, начиная с творчества Пушкина. Что же касается русской философии, то первыми серьезными философскими произведениями (при всем уважении и внимании к предшественникам) были «Философические письма» П. Чаадаева (1836 г.) и появившиеся следом, в конце 30–40-х гг. XIX столетия, сочинения «ранних славянофилов» – А. Хомякова, И. Киреевского и К. Аксакова.

В подаче литературного и философского материала, важного для изучения темы русского мировоззрения, существен историко-культурный контекст, поэтому исследование разбито на определенные временные периоды, условно очерченные по краям исторически значимыми событиями. Внутри временных рамок выделены и анализируются те произведения, которые, на наш взгляд, не вызывают сомнений в определении их общественного и культурного значения.

Первый период охватывает время от XVIII до середины XIX столетия.

Второй период посвящен 50-м – началу 80-х гг. XIX в. и завершается 1881 г. – временем убийства «царя-освободителя» Александра I.

Третий период – 80-е гг. XIX в. – начало (1905 г.) XX столетия, до времени начала первой русской революции.

Четвертый период – начало XX – 20-е гг. (1929 г.) XX столетия – время окончания новой экономической политики, провозглашения политики коллективизации, начало эпохи советского тоталитаризма.

Пятый период – 30-е гг. – середина 50-х гг. (1956 г.) XX столетия – время проведения XX съезда компартии, начало «оттепели».

Шестой период – середина 50-х гг. – начало 90-х гг. (1991 г.)

XX столетия – время стагнации социализма и распада СССР.

Седьмой период – 90-е гг. XX – начало XXI в. – новая попытка установления в России демократического строя.

И, наконец, завершая предисловие, авторы с удовольствием используют возможность сердечно поблагодарить нашего коллегу и друга – профессора Эриха Юрьевича Соловьева, чьи замечания и советы способствовали повышению качества предпринятого исследования.

I. Введение. Отечественные философы и публицисты XVIII – середины XIX столетия о мировоззрении русского простолюдина

Поскольку мы ставим перед собой цель рассмотреть и, в частности, с помощью предложенного Франком метода «интуитивного углубления и вчувствования» дать описание русского мирознания и мировоззрения русского земледельца, мы будем стремиться к тому, чтобы наши рассуждения о взглядах русских философов, литературных критиков и писателей не только были текстуально-доказательными, но и несли в себе известную долю логически обоснованного «домысливания», интуитивно проясненного интенционального «вчувствования» и предположительности. Таким путем мы надеемся решить поставленную Булгаковым задачу постижения русского мировоззрения посредством «суммирования мыслей и впечатлений», вызываемых анализируемыми текстами.

Говоря о русских философах, литературных критиках, современниках писателей, мы не всегда с полной уверенностью можем говорить об интеллектуальных контактах между ними и тем более о влиянии этих людей друг на друга. Поэтому разумным будет допущение, что между ними имелась непосредственная или опосредованная культурная связь на основании включения их творчества в единый духовный пласт рассматриваемой эпохи.

Обзор, предпринятый в I разделе исследования, будет состоять из двух частей: анализ воззрений отечественных философов и публицистов XVIII – начала XIX столетия и – специально – философов первой половины XIX в.

Глава 1. Отечественные философы и публицисты XVIII – начала XIX столетия о мире, человеке и крепостном праве

В ряду первых представителей философского знания рубежа XVIII–XIX столетий стоит великий украинский философ-просветитель *Григорий Саввич Сковорода (1722–1794)*.

Блестяще образованный человек, выпускник Киево-Могилянской академии, Сковорода, как никто другой из современников, сумел создать масштабную картину современного ему мира, в центр которой поместил человека. Годы становления Сковороды как независимой личности совпали с такими исторически важными событиями, как отмена на Левобережной Украине в 1764 г. гетманской власти, ликвидация в 1775 г. Запорожской Сечи – вековой свободной территории Российской империи – и полное установление крепостничества и в этой части России. В это же время на Украине стали складываться и первые капиталистические порядки со всеми мерзостями периода первоначального накопления.

Родившийся и воспитанный в трудовой казацко-крестьянской семье на Полтавщине, всегда четко определявший свое социальное кредо «а мой жребий с голяками», Сковорода остро воспринимал происходящее и живо откликался на него своим творчеством. Для всех его значительных произведений в той или иной мере характерно неприятие и резкое осуждение социального неравенства и гнета. Вот примеры из 10-й песни цикла «Сад божественных песен» – «Всякому городу нрав и права»:

Петр для чинов углы панские трет,
Федька-купец при аршине все лжет.
Тот строит дом свой на новый манер,
Тот все в процентах, пожалуй, поверь!

.....

Тот непрестанно стягает грунта,

Сей иностранны заводит скота.
Те формируют на ловлю собак,
Сих шумит дом от гостей, как кабак¹⁷.

Воспринимая преимущественно в негативном свете современное ему «высшее общество», Сковорода адресует критические строки в первую очередь городу как началу, противоположному естественной природной жизни, которая в его произведениях, напротив, возвеличивается. Природа – мать человека, естественное место его постоянной жизни, и потому уход от природы чреват трагическим финалом. (В этой связи характерна мораль одной из философских басен Сковороды, звучащая так: «Без природы, как без пути: чем далее успеваешь, тем беспутнее заблуждаешь»¹⁸.)

Ориентация на природное естество так же важна для творчества философа, как и осуждение несправедливого жизненного устройства. С «не-природой», с городом Сковорода связывает «печаль духа», постоянное беспокойство сердца, неугасимую жажду «ездить за море», стремление к богатству, тщеславию и властолюбию. Жизни городов с их неусыпностью, кипением страстей и желаний философ противопоставляет поэзию тихих полей, лесных рощ, настроенное беспечного путешественника, удовлетворенного собой и довольного тем немногим, что у него есть. Сковорода возвеличивает человека «малых желаний» и ограниченных материальных потребностей. Так, в близкой к фольклорным мотивам песне «Ой ты, птичко желтобоко» он определяет свой жизненный идеал – не искать счастья в богатстве и чинах. Обращаясь к птичке, поэт говорит: «не клади гнезда высоко». И далее:

А я буду себе тихо
Коротати милый век.
Так минет меня все лихо,
Счастлив буду человек¹⁹.

В этом же ключе написана 12-я песня цикла «Сад божественных песен» – «Не войду я в город богатый. Я буду на полях жить». В этом произведении жизнь «ничегонеделателя», а подчас и аскета предлагается философом в качестве правильного жизненного выбора в современных социальных условиях. Вот некоторые из важнейших конкретизаций этих идей:

Не хочу ездить за море, не хочу красных одежд:
Под сими кроется горе, печали, страх и мятеж.

.....

Не хочу за барабаном идти пленять городов,
Не хочу и штатским саном пугать мелочных чинов.

.....

Не хочу и наук новых, кроме здравого ума,
Кроме умностей Христовых, в коих сладостна дума.

---

¹⁷ Сковорода Г. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 57.

¹⁸ Там же. С. 90.

¹⁹ Там же. С. 61.

.....

Ничего я не желатель, кроме хлеба да воды,
Нищета мне есть приятель – давно мы с нею сваты.

.....

Здравствуй, мой милый покой! Вовеки ты будешь мой.
Добро мне быть с тобою: ты, мой век будь, а я твой.
О дубрава! О свобода! В тебе я начал мудреть,
До тебя моя природа, в тебе хочу и умереть²⁰.

Впрочем, аскетические установки в творчестве Сковороды не единственное, что характеризует его отношение к деятельности человека. Не менее ярко заявлена и мировоззренческая установка «сродного труда» – практической деятельности, основанной на осознании и реализации человеком своих природных склонностей, развитии присущих именно ему способностей с целью достижения в труде личного счастья и общественной пользы. Эта тема особенно отчетливо развивается в сборнике «Басни харьковские», в первую очередь в баснях «Оселка и нож», «Колеса часовые», «Жаворонки», «Собака и Кобыла».

Сюжет басни «Оселка и нож» (Оселка – оселок) на первый взгляд прост: нож предлагает оселку переделаться в нож, поскольку его, ножа, деятельность, как следует из содержания басни, в высокой степени «общественно полезна». На это оселок отвечает, что его работа также очень важна, а, став ножом, он принес бы пользы существенно меньше. Однако, пожалуй, самое глубокое место басни – ее мораль («сила»): «Родятся и такие, – резюмирует Сковорода, – что воинской службы и женитьбы не хотят, дабы других свободнее поощрять к *разумной честности, без которой всяка стать недействительна*»²¹.

То есть любое свободное самоопределение человека, в том числе и в предельном варианте – в избрании «ничегонеделания», «жизни в полях» как способа жить, есть его неотъемлемое естественное право, с которым люди «родятся». И только признанное обществом обязательное соблюдение этого естественного права служит гарантией того, что все люди могут свободно избирать род своей жизни и деятельности («разумная честность») и на основе этого выбора достигать полной самореализации. Вот когда, более двухсот лет назад, в русском сознании впервые появляется глубокая, не вполне понятая и поныне, «либеральная», как мы сказали бы сегодня, мысль о естественном праве человека.

Еще одна глубинная мировоззренческая установка всего творчества Сковороды – отождествление «истинной жизни» с «чистой совестью». У жизни, по разумению Сковороды, нет временного измерения (длительности). Истинное измерение жизни – честность, совесть: «Без бога и за морем худо, а мудрому человеку весь мир есть отечество: везде ему и всегда добро»²². «Истинная жизнь» (и здесь особо нужно отметить мировоззренческую интенцию философствования Сковороды, поскольку в дальнейшем она становится одной из самых сильных установок русского мировоззрения вообще) – «невидимая натура» мира, бог. «Сия невидимая натура, или бог, всю тварь проникает и содержит; везде всегда был, есть и будет. Например, тело человеческое видно, но проникающий и содержащий оное ум не виден.

По сей причине у древних бог назывался *ум всемирный*. Ему ж у них были разные имена, например: *натура, бытие вещей, вечность, время, судьба, необходимость, фортуна* и проч.

---

²⁰ Там же. С. 59.

²¹ Там же. С. 86. – Курсив наш. – С.Н., В.Ф.

²² Там же. С. 98.

А у христиан знатнейшие ему имена следующие: *дух, господь, царь, отец, ум, истина*»²³.

Таким образом, нужно отметить, что в творчестве Сковороды мы впервые в истории отечественной мысли встречаем многие существеннейшие идеи, нашедшие свое развитие в дальнейшем в русской философии и классической литературе.

Следующим философом, оказавшим сильное влияние своей просветительской деятельностью и творчеством на умы русских писателей рубежа XVIII–XIX столетий, был *Николай Иванович Новиков (1744–1818)*²⁴. Оценивая его просветительский вклад в развитие русской литературы и формирование культурной среды в российском обществе, В.Г. Белинский писал: «Этот человек, столь мало у нас известный и оцененный (по причине почти совершенного отсутствия публичности), имел сильное влияние на движение русской литературы и, следовательно, русской образованности... Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстью – разливать свет образования в своем отечестве. И он увидел могущественное средство для достижения этой цели в распространении в обществе страсти к чтению»²⁵. Образовательно-просветительская деятельность становится истинным призванием Новикова. Ничем иным он не в состоянии заниматься. «Всякая служба, – пишет он, – не сходна с моей склонностью... военная – кажется угнетающей человечество... приказная – надлежит знать все пронырства... придворная – надлежит знать все притворства»²⁶.

В 1774 г. Новиков создал в Москве «Компанию типографическую» и за несколько лет издал множество газет и журналов, сотни философских и художественных произведений отечественных и иностранных авторов. Им также была организована одна из первых в России книжная торговля и открыт ряд школ для детей разночинцев.

Свою просветительно-гуманитарную миссию Новиков видит в том, чтобы познакомить «всех почтенных читателей» с самими собой, с тем высоким достоинством, которым все они

---

²³ Там же. С. 113.

²⁴ О его литературном творчестве мы скажем отдельно.

²⁵ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. М., 1953. С. 671.

²⁶ Цит. по: *Российский либерализм: идеи и люди* / Под общей ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 27.

обладают; он хочет, чтобы они получили «высокое понятие о свойствах человеческих: ибо мы предполагаем, что ни единый человек не может ни мыслить, ни делать благородно, когда он, возвышаясь благородною гордостью, не будет почитать себя важною частию творения»²⁷.

В отличие от Поленова, изучавшего как бы горизонтальный срез проблемы существования русского крестьянина – в его связях с остальным обществом, и прежде всего с помещиком, Новиков в работе «О достоинстве человека в отношениях к Богу и миру» избирает вертикальный ракурс – связь человека с Создателем.

Работа Новикова – гимн человеку, в том числе и находящемуся в крепостном состоянии. Что же в человеке внушает «истинное к нему почитание и искреннюю любовь»? «Бессмертный дух, дарованный человеку, его разумная душа, его тело, с несравненным искусством сооруженное к царственному зданию, и его различные силы...»²⁸

Из числа человеческих достоинств философ исключает общепризнанные в тогдашнем светском обществе богатство человека или знатность его рода. Подлинное достоинство человека, считает Новиков, проистекает из его божественного творения. Все люди могут «великою честью почитать и тем гордиться, что Бог нас из многих других возможных веществ в веках избрал, человеком создал и человеками сотворил»²⁹. То, что Бог постоянно помнит и заботится о человеке, должно, по Новикову, внушать каждому почтение к самому себе.

Люди – «цель всего мира», продолжает философ. «...Как великолепно поставлены они в оном как средоточие в сей окрестности творения; как владыки мира, как божества, для коих солнце сияет, звезды блистают; которым звери служат; для которых растения зеленеют, процветают и плоды приносят. Человеки преимущественно перед другими творениями имеют по естеству своему возможность мир себе представить, об оном размышлять и рассуждать<...> Нам и небо и земля свои услуги оказывают<...> они нас ущедряют и рачительно платят нам должную дань; луна освещает нам зрелище природы, звезды украшают своды небесные; зефир, шумящий деревьями, веет нам благоуханием, собранным со цветов; бдящий соловей увеселяет пением наш слух; словом, вся тварь стремится к нам, дабы доставити или выгоду какую, или удовольствие. И так человеки могут по благоугождению своему всем царствовать и всем учреждать, а из прочего, что не в их власти состоит, могут они себе, по крайней мере, когда восхотят, почерпнуть увеселение. И потому *всякий человек может некоторым образом сказать сам в себе: весь мир мне принадлежит*»³⁰.

В последней трети XVIII в. в рамках просветительского разоблачения крепостничества получает развитие реально-сатирическое направление. В 70-е гг. XVIII в. Новиков успешно издавал широко известные в России антикрепостнические сатирические журналы – «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек». На страницах журнала «Трутень» постоянный персонаж «его превосходительство г. Недоум», совсем в духе сказочных щедринских помещиков, рассуждает о том, что хорошо было бы, «чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтобы простой народ совсем был истреблен...»³¹. В «Рецепте для г. Безрассуда» «Трутень» останавливается на отношении «благородного» помещика к своим крепостным, которые, по его мнению, «не суть человеки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о том знает он только по тому, что они крепостные его рабы». Он собирает «с них тяжкую дань, называемую оброк», «не устаивает их наклонения своей головы, когда они по восточному обыкновению пред ним на земле расprostируются». Крестьяне «работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, затем что насилию могут платить господские

---

²⁷ Там же.

²⁸ Новиков Н.И. О достоинстве человека в отношениях к Богу и миру // Новиков Н.И. Избранные сочинения М.; Л., 1954. С. 151.

²⁹ Там же. С. 153.

³⁰ Там же. С. 156. – Курсив наш. – С.Н., В.Ф.

³¹ Цит. по: Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. М., 1945. С. 192.

поборы. Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: это не мое, но божие и господское...»³².

В журнальной публицистике Новикова впервые появляется не только картина помещичьей крестьянской жизни, но и – что можно считать событием уникальным – слышится голос крестьянского «низа», причем делает он это, пародийно дистанцируясь от «отписок крестьянских», отчего те приобретают заметную полифонию.

Вот, например, староста Андрюшка бьет челом помещику Григорью Сидоровичу «со всем миром». Староста сообщает о сборе «денег оброчных», каясь при этом, что более собрать не могли: «крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился, насилу могли семена в гумны собрать»; «бог посетил... скотским падежом, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, так и ту кормить нечем, сена были худые, да к соломы мало, и крестьяне твои, государь, многие пошли по миру...»³³.

Сообщает староста и о том, что в сборе денег и нещадная порка не помогает. «С Филаткою, государь, как поволитишь? денег не платит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькие ребятишки; и он нынешним летом хлеба не сеял, некому было землю пахать, во всем дворе была одна сноха, а старуха его и с печи не сходит. Подушные деньги за него заплатил мир, видя его скудость; а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано его две клетки за три рубли да десять алтын; корова за полтора рубли, а лошади у него все пали, другая коровенка оставлена для робятишек, кормить их нечем; миром сказали, буде ты его в том не простишь, то они за ту корову деньги отдадут, а робятишек поморить и его вконец разорить не хотят. При сем послана к милости твоей Филаткина челобитная, как с ним сам *поволитишь*, то и делай; а он уже не плательщик, откуда не под растут робятишки; без скотины да без детей наш брат твоему здоровью не слуга...»³⁴

Изложение мужицких горестей набирает в «Отписке» силу: тут и незаконное завладение помещиком Нахрапцовым крестьянскими землями, и повышение смертности при непосильности оброка, и природная скудость мест. Подспудной грустной иронией (авторской, конечно) звучат следующие строки «Отписки»: «При сем еще послано штрафных денег... с Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублей, и он на сходе высечен. Он сказал: я-де это сказал с глупости, а напередки он тебя, государя, отцом называть не будет...»³⁵ От крестьянской «Отписки», как и от «Копии с помещичьего указа», веет унылой зависимостью крестьян от господина, которого они по ошибке, в патриархальных традициях общины приняли было за отца.

Однако к концу XVIII в. от патриархальной иллюзии о единой помещичьей-крестьянской жизни остается все меньше. Налицо разорение деревни, ее вымирание. Совершенно очевидно, что до барина Григорья Сидоровича вряд ли дойдет простая истина, которую пытается втолковать наказанный Филатка: «... ты сам, родимый, человек умный, и ты сам ведаешь, что как твоя милость без нашей братии крестьян, так мы без детей да без лошадей никуда не годимся...»³⁶

Однако Новиков не склонен к слишком широким обобщениям. Он оговаривает, что даваемые им примеры – только образчики злоупотребления крепостным правом, что в России есть и «помещики-отцы», которые не «преображают» «нужное подчинение в несносное иго рабства», у которых крестьяне «наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастью, ради того что они в своем звании благополучны»³⁷.

---

³² Новиков Н.И. Избранные сочинения. С. 139–140.

³³ Там же. С. 151.

³⁴ Там же. С. 152.

³⁵ Там же. С. 153.

³⁶ Там же.

³⁷ Цит. по: Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. С. 193.

В пятом номере «Живописца» Новиков печатает «Отрывок из путешествия в ^{***}», подписанный буквами И.Т. и, по всем данным, принадлежащий А.Н. Радищеву. В «Отрывке» дается выразительное описание «деревни Разоренной», вполне соответствующее ее поименованию. Так, «...поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою... Избы, или, лучше сказать, бедные развалившиеся хижины, представляют взору путешественника оставленное человеками селение. Улица покрыта грязью, тиной и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача я не видал ни одного человека...»³⁸. Еще более удручающая картина открывается путешественнику, когда он оказывается на грязном крестьянском дворе, «намощенном соломою», «ежели оную намостить можно грязное и болотное место». Повествователь входит в избу. «Заразительный дух от всякия нечистоты, чрезвычайный жар и жужжание бесчисленного множества мух оттуду меня выгоняли; а вопль трех оставленных младенцев удерживал в одной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришед к лукошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что у одного упала соска с молоком; я его поправил, и он успокоился. Другого нашел обернувшегося лицом к подушонке из самая толстыя холстины, набитыя соломою; я тотчас его оборотил и увидел, что без скорыя помощи лишился бы он жизни: ибо он не только что посинел, но и, почернев, был уже в руках смерти; скоро и этот успокоился. Подошед к третьему, увидел, что он был распеленан: множество мух покрывали лицо сего ребенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и этому услугу...»³⁹

Высшим достижением сатиры Новикова литературоведы считают «Письма к Фалалею», приписываемые даже Фонвизину. Сюжет их несложен. К сыну, уехавшему служить в Петербург, пишут из своего поместья отец, мать и дядя. Письма пестрят сочными сценками и зарисовками из поместного быта. Так, отец Фалалея Трифон Панкратьевич уверен, что, перенося тяготы от своих господ, крестьяне так исполняют закон Христов: «Они на нас работают, а мы их сечем, ежели станут лениться; так мы и равны – да на што они и крестьяне: его такое и дело, што работай без отдыху. Дай-ка им волю, так они и невесть что затеют». Мало пользы и от экзекуций: «С мужиков ты хоть кожу сдери, так немного прибыли... Пять дней ходят они на мою работу, да многи ли в пять дней сделают; секу их нещадно, а все при были нет; год от году все больше мужики нищают...»⁴⁰

Суждения Новикова о высоком звании человека и неестественности для него крепостного состояния, практически материализующие призыв к людскому равенству – будущему лозунгу французской буржуазной революции, – не могли остаться незамеченными царствующей особой. В 1792 г. по приказу Екатерины II Новиков без суда и следствия был арестован и заключен на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость, из которой был отпущен лишь спустя четыре года после смерти царицы.

Невежество русского помещика было одной из тем русской журнальной сатиры. Для борьбы с ним в 1765 г. Екатерина II учреждает Вольное экономическое общество, целью которого было распространение среди помещиков и крестьян полезных для земледелия и домашнего хозяйства знаний, изучение земледелия и хозяйственной жизни страны, а также ознакомление с сельскохозяйственной техникой западных стран. Выходило так, что сама императрица возбуждала вопрос о соотношении выгод общинной и частной форм землевладения, свободного и крепостного труда. В ответ на распространенные от монаршего имени опросные листы о количестве и роде посевов, пахотной и луговой земли испуганные помещики выразили свое недо-

---

³⁸ Новиков Н.И. Избранные сочинения. С. 215.

³⁹ Там же. С. 216.

⁴⁰ Там же. С. 123.

умение в ряде вопросов. Вот как воспроизводит эти недоумения М. Горький: «...хлебопашное дело от господа зависимо, и человеки в нем ничего же разуметь не могут, сколь бы много и лукаво ни мудрствовали о сем. Понеже господь пошлет дождь вовремя и хорошо будет, а если прогневаётся – бумагою от гнева его не защитимся», – такую жалобу присылает в Общество тамбовский дворянин Колюпатов. А другой помещик «от лица суседей, друзей, родных и многих других доброммысленных людей пензенских» пишет в Общество следующее: «Почтительнейше и любезнейше просим оповестить нас, не гораздо ли вольно общество ваше? Потому как уже самый ваш запрос про то, как лучше землю пахать – мужиковыми руками или дворянскими, – издевкой над заслуженными людьми кажется нам, а еще того больше угрожает великим смущением глупых мужиков наших, кои и без того довольно озверели и во многих местах свирепствуют невыносимо супротив благодетелей и отцов их»⁴¹. Горький подытоживает, что практических результатов Вольное экономическое общество в царствование Екатерины II не добилося, а императрица должна была убедиться, что мысль об освобождении крестьян преждевременна, ибо непримирима с интересами помещиков и враждебна им, что у нее, царицы, нет сил провести эту реформу⁴².

Среди забитых и покорных крестьян антипомещичьи настроения находили непосредственное выражение в устной и письменной народной сатире, которая определенным образом перекликается с литературой и публицистикой XVIII в. Так, историки литературы называют Песню, написанную былинным размером дворовым князем Долгоруковыми, который не выдержал гнета и бежал от своего барина «на чужую дальну сторону» (песня сохранилась в Деле о его бегстве 1787 г.). Смеховым настроением проникнуты повестушки, сочиненные в подмосковных деревнях, – «Повесть Пахринской деревни Камкина» и «Сказание о деревне Киселихе». В них в прибауточном стиле рассказывается о том, как ловко проводят помещика крестьянин-ремесленник, «смехотворный басник» и балагур Яныка Наумов.

Наиболее замечательным памятником крестьянского творчества является «Плач холопов», сочиненный безвестным крепостным поэтом в 1767–1769 гг. «Плач» проникнут жалобами на горькую крепостную долю и отличается резкой антипомещичьей настроенностью:

Неужель мы не нашли б без господ себе хлеба?
На что сотворены леса, на что и поле,
Когда отнята и та от бедного доля?⁴³

«Плач» предстает публичным «докладом» бесправного крестьянства царю, сочувственно противопоставленному тиранам-помещикам:

Знать, мы все несчастны на свет рождены,
Что под власть таким тиранам вовек утверждены.
За что нам мучиться и на что век тужить?
Лучше согласиться нам царю служить.
Лучше нам жить в темных лесах,
Нежели быть у сих тиранов в глазах.
Свирепо на нас глазами глядят
И так, как бы ржа железо, едят.
Царю послужить ни один не хочет,

---

⁴¹ Горький М. История русской литературы. М., 1939. С. 9.

⁴² См.: Там же. С. 10.

⁴³ Цит. по кн.: Вольная русская поэзия VIII–XIX веков. М., 1975. С. 59.

Лишь только у нас последнее точит⁴⁴.

Примерно с этого же времени – последней трети XVIII столетия – отечественные мыслители начинают не только задумываться о положении российского крестьянства, но и специально, в том числе научно, рассуждать. Пожалуй, одним из наиболее примечательных сочинений этого рода, появившимся несколько ранее знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву», может считаться научно-публицистический труд русского историка *Алексея Яковлевича Поленова (1738–1816)* «О крепостном состоянии крестьян в России» (1776). Это произведение было представлено на объявленный Вольным экономическим обществом конкурс на тему «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю и токмо движимое имение, и сколь далеко его право на то или другое имение простирается должно?». Поскольку работа Поленова – одно из первых исследований состояния и перспектив аграрного производства и положения крестьянства в России, остановимся на ней подробнее.

Начинает Поленов с определения понятия «крестьянин», которое с социологической точки зрения может быть признано удовлетворительным даже и по меркам сегодняшнего дня. «Крестьянин в общем знаменании означает человека, имеющего постоянное жилище и пребывание в деревне, назначенного и упражняющегося в земледелии и что к нему принадлежит, невзирая, какой бы власти он подвержен ни был»⁴⁵. Поленов выделяет основания для классификации крестьян – по их принадлежности тому или иному хозяину, государству или вольному состоянию, а также по наличию или отсутствию собственной земли. Рассматривая далее типичное состояние крестьян в России, Поленов ставит вопрос в предельно общей форме: насколько может быть «вредительна или полезна неволя, которой подвержено наше крестьянство»?

Ответ, как следует из сочинения, дается отрицательный – неволя вредна, и, более того, автор считает необходимым заявить о фундаментальных, онтологических основаниях, поз-

---

⁴⁴ Там же. С. 60.

⁴⁵ *Поленов А.Я.* О крепостном состоянии крестьян в России // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия. Свердловск, 1990. С. 112.

воляющих человеку быть свободным и обладать собственностью. «...Собственная каждого польза составляет главный предмет, к которому, как к середине, стремятся все наши помышления, и притом ободряет нас к понесению всяких трудов. <...> Мы по врожденной в нас склонности стараемся беспрестанно о нашем благополучии: *искать того, что нам приносит действительное удовольствие, и убежать всего, что ему противно, суть два неусыхаемые источника добродетелей и пороков*»⁴⁶.

Будучи господином своему имению, крестьянин, пишет далее Поленов, всегда «знает, что ему должно делать для удовольствования домашних нужд или для получения прибýtка; вследствие чего старается он охотно выискивать всевозможные средства обращать всякий случай в свою пользу; болотистые, песчаные, бугроватые места не утомят рачительных его рук, но все трудолюбию должно повиноваться и приносить с избытком пользу. Домашние или добровольно следуют его примеру, или для строгого надзирания надлежащим образом исправляют свою должность; ничто не может утаиться от его глаз, он сам все видит; наималейший примеченный недостаток, пока он его, исправя, не отвратит, беспокойство ему наносит»⁴⁷.

Иное представляет собой человек, собственностью не обладающий, то есть крепостной крестьянин. «Сей печальный предмет, обращающийся перед моими глазами, ничего больше, кроме живых изображений лености, нерадения, недоверия, боязни не представляет; одним словом, он носит все на лице своем начертанные признаки бедственной жизни и угнетающего его несчастья.

<...> Единственное попечение, и то принужденное, состоит, чтобы удовлетворить некоторым образом необходимые нужды, а в прочем все свое время препровождает в праздности, почитая оную за облегчение своей бедности»⁴⁸.

Затрагивая поднимаемый некоторыми современниками вопрос о врожденности рабского состояния у российского крестьянства, Поленов высказывает совершенно противоположную точку зрения: врожденным для человека он, напротив, полагает «стремление к вольности». Либеральных позиций Поленов придерживается и в вопросе о реальном состоянии крестьянства: оно «бедственное» и должно быть изменено. Наибольшее зло – торговля людьми. «Мы... не делая ни малой разности между неодушевленными вещами и человеком, продаем наших ближних, как кусок дерева, и больше жалеем наш скот, нежели людей. Сие должно неотменно уничтожить и нимало не смотреть, какие бы кто ни представлял причины»⁴⁹. Впрочем, Поленов тут же сам себя в этой радикальной позиции и ограничивает: «Я не разумею здесь конечное запрещение; но кто намерен продавать, то должен продавать все вместе, и землю и людей, а не разлучать родителей с детьми, братьев с сестрами, приятелей с приятелями; ибо, не упоминая о прочих несходствах, от сей продажи порознь переводится народ и земледелие в ужасный приходит упадок»⁵⁰.

В качестве главной меры улучшения крестьянского положения Поленов, в отличие от Радищева, видит не исходящие от власти революционные перемены, а воспитание крестьян. «Мне кажется, что *просветить народ учением, сохранить его здравие чрез приобучение к трудолюбию и чрез телесные упражнения, наставить при помощи здравого нравоучения на путь добродетельной жизни* – главные должны быть законов предметы, и наибольшее их старание должно в сем обращаться». Воспитанием «можно преобразить всякого человека, какого бы он состояния ни был»⁵¹.

---

⁴⁶ Там же. С. 113.

⁴⁷ Там же. С. 114

⁴⁸ Там же. С. 115.

⁴⁹ Там же. С. 119.

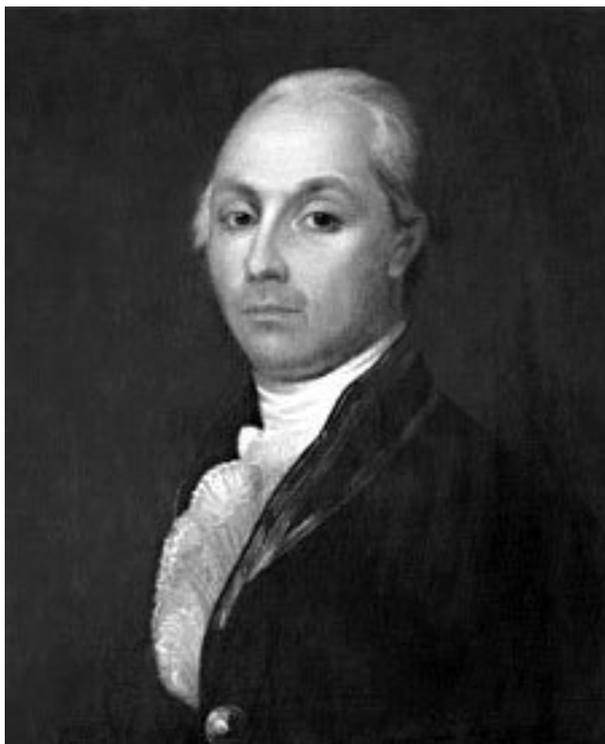
⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 120.

Крестьян нужно наделить землей. Делать это, по плану Поленова, должны помещики, и они же обязаны контролировать рачительное землепользование. Полученный крестьянином земельный надел нельзя продавать, дарить, закладывать или разделять, а можно лишь передать по наследству одному из сыновей. В случае нехватки освоенных земельных наделов следует предоставлять новые неосвоенные участки, пустоши. Гораздо более свободными крестьяне должны чувствовать себя в распоряжении движимым имуществом – скотом и плодами своего труда. С этих доходов они должны исправно платить налоги государю и помещикам, а также отрабатывать на своих хозяев барщину. Для разрешения споров между крестьянами или между крестьянами и господами Поленов предлагает учредить суды трех уровней: низшие крестьянские – для мелких повседневных дел, не требующих обращения к законодательству; высшие крестьянские суды для разбора дел более сложных, для которых требуется апелляция к законам; и высшие – дворянские. Крестьяне имеют право переменить свое социальное положение. Если они накопят достаточно денег, то могут выкупиться из крепостного состояния и «записаться в мещанство». Но надо «смотреть накрепко», довольно ли у крестьянина денег на выкуп себя и близких и приобретения приличного жилища в городе. Все эти меры следует вводить постепенно и осторожно, начиная с воспитания и осуществляя все «под предводительством благонравных церковников».

Таковы основные положения сочинения Поленова. Конкурсной комиссии Вольного экономического общества они показались столь «над меру сильными и неприличными», что работа, занявшая второе место из присланных 160 проектов, не была напечатана и увидела свет лишь в журнальном варианте сто лет спустя.

В чем близки и взаимно дополняют друг друга два выдающихся русских философа этого периода – Поленов и Новиков? Прежде всего – в понимании необходимости демократических преобразований российского общества, на девять десятых состоявшего из земледельцев – крестьян и помещиков. Люди эти, как полагают оба мыслителя, равны перед высшим судьей. Все они – рабы и господа – венцы божественного творения. Люди не противостоят природе, они вписаны в природное целое. При этом природа – не просто материал для строительства, не утилитарное средство удовлетворения человеческих потребностей, а иная, тоже созданная Богом и подаренная человеку часть мира, которую нужно любить и беречь. Природа – продолжение, инобытие человека, и это диктует рачительно-заботливое, чувственно-сострадательное к ней отношение. Человек не может и не должен быть равнодушен и к своей собственной, Богом данной природе, которой свойственно стремиться к тому, что приносит удовольствие, и избегать того, что влечет за собой страдание. Лучшее средство для нормальной жизни во всяком человеке его собственной природы, как полагает Поленов, есть обладание собственностью. Поэтому постепенное устранение крепостного права – практический вывод, вытекающий из его философских построений. И если Новиков ограничивается указанием на божественное подобие всякого человека как универсальную социальную цель, то Поленов развертывает социальную аргументацию, от которой всего один шаг до аргументации политической: благополучие крестьянства определяет благополучие и само существование всего российского общества. А из этого следует, что положение крестьянства должно быть изменено.

В последнее десятилетие XVIII в. появляется знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Николаевича Радищева (1749–1802). Картины тяжелой крестьянской жизни заставляют вспомнить самые острые страницы сатирических журналов Новикова. В главе «Любани» описывается пахота крестьянином своего поля в воскресный день, поскольку остальные шесть он ходит на барщину. Из беседы с землепашцем Путешественник делает вывод: «Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным...»⁵²

В главе «Зайцово» рассказывается о зверском обращении с крестьянами асессора из придворных истопников. «Он себя почел за высшего чина, крестьян посчитал скотами, данными ему (едва не думал ли он, что власть его над ними от бога проистекает), да употребляет их в работу по произволению... Они у прежнего помещика были на оброке, он их посадил на пашню; отнял у них всю землю, скотину всю у них купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя, а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе и то по одному разу в день...»⁵³ и т. д.

Приятель Путешественника г. Крестьянкин, подступая к трагической развязке истории отношений асессора и его крестьян, роняет замечание по поводу особенных черт характера русского народа, который «очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость». Так произошло и в случае с асессором, сын которого пытался овладеть невестой одного из крестьян, получил отпор, и столкновение завершилось крестьянским бунтом. В результате «окружили всех четверых господ и, коротко сказать, убили их до смерти на том же месте». При этом крестьяне настолько господ ненавидели, что ни один не хотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве, как они сами после признались⁵⁴.

---

⁵² Цит. по кн.: Русская проза XVIII века. В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 85.

⁵³ Там же. С. 117.

⁵⁴ Там же. С. 119.

Надо отметить, что Радищев одним из первых среди русских мыслителей делает серьезное наблюдение мировоззренческого характера. Как оно возникает, на какой содержательной базе основывается, насколько мы можем полагать его в качестве отвечающего действительности, и есть ли критерии для признания такого полагания истинным – на такого рода вопросы нам, безусловно, придется отвечать в процессе работы над определением феномена мировоззрения русского земледельца.

Собеседник Путешественника доказывает право крестьян на мщение и оправдывает убийц асессора, своеобразно толкуя теорию «естественного права» («Если я кого ударю, тот и меня ударить может» – «Любани»). Что же касается Радищева, то исследователи считают, что он, обосновывая право крестьян на мщение, полагал, что мщение – это древний закон, око за око, который свойствен в «естественном состоянии» людям с «несовершенным еще расположением мыслей». Вместе с тем Радищев критически относился к стихийному крестьянскому восстанию вроде Пугачевского, усматривая, что восставшие ограничивались мстью, «искали паче веселия мщения, нежели пользу сотрясения уз» («Хотиллов») ⁵⁵. Биограф Радищева А.И. Старцев считает, что «в основе этики Радищева-революционера лежит именно идея общественной пользы, а никак не идея мщения. . . Выдвигать идею мщения как основополагающую установку Радищева-революционера – значит приписывать ему отсталость и стихийность современного ему крестьянского движения» ⁵⁶. И хотя Путешественник поддерживает г. Крестьянкина в том, что крестьяне, «убившие зверского асессора, в законе обвинения не имеют», Радищев, по мнению Старцева, склонен пропагандировать более организованные формы революционного насилия. «Если бы восставшие против своего помещика крестьяне в “Зайцове” оказались более сильными и организованными и сумели бы оказать сопротивление прибывшей воинской команде во главе с исправником, а может быть, и уничтожить ее, то и эти действия должны были бы быть вновь оправданы как самозащита в силу тех же общих оснований» ⁵⁷.

«Разрешение» политико-уголовной ситуации в духе оправданий революционного народного террора второй половины XIX столетия, безусловно, укладывается в рамки недавней советской идеологии, оправдывавшей любые факты революционаризма – от убийства отдельного «царского сатрапа» до попыток экспорта революции. Однако в написанном Радищевым тексте, при всем его сочувствии крестьянам, прямого призыва к революции, приписываемого ему советскими толкователями, мы не находим.

Новая сторона крестьянской жизни предстает в главе «Едрово», где Путешественник встречает толпу «сельских красавиц», которые кажутся ему прелестными «без покрова хитрости», красота их естественна в сравнении со светскими щеголихами. Путешественник восклицает: «Приезжайте сюда, любезные наши барыньки московские и петербургские, посмотрите на их зубы, учитесь у них, как их содержать в чистоте» ⁵⁸. В центре повествования Анюта – дочь зажиточного ямщика. Ей Путешественник признается, что любит «сельских женщин или крестьянок для того, что они не знают еще притворства». И все же признания Путешественника пугают крестьянку. К ее страху повествователь относится с пониманием, поскольку знает «с какую наглостью дворянская дерзкая рука поползается на непристойные и оскорбительные целомудрию шутки с деревенскими девками» ⁵⁹. В бывшее пугачевское возмущение, вспоминает Путешественник, некие крестьяне, «связав своего господина, везли его на неизбежную казнь. Какая тому была причина? Он во всем был господин добрый и человеколюбивый, но муж не был безопасен в жене своей, отец в дочери. Каждую ночь посланные его приводили

---

⁵⁵ См.: Кулакова Л.И., Запатов В.А. А.Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: Комментарий. Л., 1974. С. 144.

⁵⁶ Старцев А.И. Радищев в годы «Путешествия». М., 1960. С. 173.

⁵⁷ Там же. С. 167.

⁵⁸ Русская проза XVIII века: В 2 т. Т. 2. С. 142.

⁵⁹ Там же. С. 143–144.

к нему на жертву бесчестия ту, которую он того дня назначил. Известно в деревне было, что он омерзил 60 девиц, лишив их непорочности...»⁶⁰. В рассказе Анюты предстают некоторые черты женской доли крестьянки, когда таких, как она, сватают «в богатый дом за парня десятилетнего».

Правительственные указы 1775 и 1781 гг. запрещали венчать мальчиков, но указы часто нарушались, особенно в крепостных имениях. В результате распространялось снохачество. Анюта могла отказаться от мужа-мальчика только потому, что она не крепостная, а дочь казенного крестьянина (ямщика), для которого подушная подать («Любани») заменялась гоньбой на своих лошадях. Если почтовый ям становился городом, как, например, Валдай, ямщики запинывались в сословие мещан, а при желании и наличии средств – в купцы. Трудность положения Анюты была в том, что отец ее жениха, лишившийся работника, требовал выкуп – сто рублей, а их не было. Анюта же не могла уйти из дому, ибо была единственной в семье. Путешественника покоряет разумность и высокая нравственность Анюты и ее матери, отказавшейся принять от повествователя так необходимые им сто рублей на свадьбу.

Глава «Вышний Волочок» знакомит читателя с помещиком, добившимся «цветущего состояния» своего имения ценою полного разорения крестьян. «Когда у всех худой урожай был, у него родился хлеб сам четверть; когда у других хороший урожай был, то у него приходил хлеб сам десят и более. В недолгом времени к двумстам душам он еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и поступая с сими равно, как с первыми, год от году умножал свое имение, усугубляя число стнящих на его нивах. Теперь он считает их уже тысячами и славится как знаменитый земледелец»⁶¹.

В «Медном» сентиментальный Путешественник описывает продажу крестьян с публичного торгового рынку, вызвавшую у него рыдания. Глава завершается следующим образом: «А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести, порабощения»⁶². «То есть надежду полагает на бунт от мужиков», – прокомментировала эту фразу Екатерина II, процитировав вторую ее половину.

В селе Городня происходит рекрутский набор, ставший «причиной рыдания и слез многих толпящихся». Наконец, в Пешках Путешественник попадает в крестьянскую избу, описание которой и предлагает читателю. По мнению авторитетных исследователей, это описание настолько точно и реалистично, что музеи советской поры по нему изготовляли макеты «черной» избы XVIII в. Во всей русской литературе этого периода, полагают они, нет ничего равноценного этому описанию, если не считать процитированный фрагмент из «Отрывка путешествия...», напечатанного в «Живописце» за 1772 г. и приписываемого Радищеву⁶³.

В «Путешествии» нет благополучных деревень, как нет благополучных крестьян. Правда, время от времени возникают образы «добронравных» помещиков, но они со своими личными добродетелями не способны что-либо изменить в существующем положении дел. Самое добро, которое они делают, оборачивается злом при текущем порядке вещей. Добросердечный старый барин, читаем в главе «Городня», дает сыну своего крепостного дядьки воспитание наравне со своим собственным сыном, вместе с которым отправляет его за границу продолжать образование. Во время пребывания молодых людей в «чужих краях» старый барин умирает, не успев выполнить обещания – дать своему Ванюше отпускную. Между тем его сын, «сотоварищ» Ванюши, человек не злой по натуре, но легкомысленный и слабохарактерный, женится на знатной «надменной» особе, которая приказывает сдать Ванюшу в лакеи и превращает его жизнь в сплошную цепь унижений, издевательств и истязаний, переносимых им, в силу вос-

---

⁶⁰ Там же. С. 144.

⁶¹ Там же. С. 160.

⁶² Там же. С. 181.

⁶³ См.: Кулакова Л.И., Западов В.А. А.Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: Комментарии. С. 23.

питания, с особенной мучительностью. Позже этот сюжетный поворот аукнется в маленькой балладе Некрасова «В дороге», в «Асе» Тургенева и др.

Ни к чему не приводит стремление и уже упоминавшегося г. Крестьянкина, «человеколюбивого» дворянина, воспользоваться своим служебным положением Председателя уголовной палаты, чтобы заступиться за крестьян, убивших своего помещика. И тогда Крестьянкин подает прошение об отставке, бесплодно оплакивая «плачевную судьбу крестьянского состояния».

Екатерина II, познакомившись с «Путешествием», замечала, что «сочинитель» «не любит царей и где может к ним убавить любовь и почтение, тут же жадно прицепляется с редкой смелостью». А в связи с одою «Вольность» императрица прибавляла, что она «совершенно явно и ясно бунтовская, где царям грозит плахую», и что «Кромвелев пример привлечен с похвалами» и превращает страницы произведения в страницы «криминального намерения, совершенно бунтовские»⁶⁴.

Ясно, что Екатерина II опасалась повторения в России событий французской революции. Это же опасение высказывалось в официальном органе правительства «Санкт-Петербургские ведомости» в 1782 г.: «Может быть, во Франции вскоре не видно будет более ничего, кроме дымящихся городов, замков, фабрик и пр. Но да отвратит от нас всевышний столь гибельные следствия безначалия и да возжжет в сердцах обманутого, развращенного... народа любовь к благоустройству, благоговению к государю столь благодетельному...»⁶⁵ Понятно, почему писания Радищева так раздражали государыню, хотя ее собственное сочинение «Наказ» было запрещено во Франции, и тамошнее правительство преследовало лиц, распространявших его. Радищевское «Путешествие», по словам Горького, «было образчиком применения идеи французской революции к русскому быту»⁶⁶.

Идеология Радищева опиралась не только на сочинения французских философов, например Мабли. Нельзя забывать и о влиянии на Радищева «учителя юности» Ф.В. Ушакова, который способствовал формированию у автора «Путешествия» просветительски-утопических взглядов. Герой «Путешествия» – чувствительный идеолог-странник, пытающийся осмыслить открывающуюся перед ним реальность России в рамках европейской мировоззренческой модели. «Путешествие» превращается в испытание просветительских идей Путешественника. Он «узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие предметы». Отъять «завесу с очей природного чувствования» поможет странствие, во время которого к «праведной» идее можно будет примерить «неправедную» жизнь.

Фактически перед нами возникает традиционный для русской классической словесности сюжет: в центре повествования герой-идеолог, который, как правило, терпит крушение, столкнувшись с реальной жизнью. Композиция радищевского сентиментального романа строится таким образом, что каждая новая веха пути есть аргумент в пользу того, что русская жизнь действительно исполнена страданиями, отчего она и заслуживает переустройства в соответствии с той моделью, которую держит в своей голове повествователь.

Но уже у Грибоедова позиция такого идеолога подвергается сомнению, а в прозе Тургенева идеолог Базаров, отстаивающий, кажется, самые демократические принципы, погибает из-за заражения крови при вскрытии трупа крестьянина. Выразительный до символа образ!

Радищеву вполне можно было бы переадресовать слова Екатерины II о Дидро: «Если бы я доверилась ему, пришлось бы все перевернуть в моей империи: законодательство, администрацию, политику, финансы, я должна была бы все уничтожить ради его непрактичных тео-

---

⁶⁴ Цит. по кн.: *Благой Д.Д.* История русской литературы XVIII в. С. 358.

⁶⁵ См.: *Горький М.* История русской литературы. С. 31.

⁶⁶ Там же. С. 30.

рий. Я ему откровенно сказала: ...я с большим удовольствием слушала все, что внушил вам ваш блестящий ум; но из ваших общих принципов, которые я вполне понимаю, можно составить очень хорошие книги и лишь очень дурное управление страной... Вы забываете различие наших положений; вы трудитесь над бумагою, которая все терпит – она гладка, покорна и не представляет препятствий ни вашему воображению, ни перу вашему; между тем как я, императрица, работаю на человеческой шкуре, которая, напротив, очень раздражительна и щекотлива»⁶⁷.

По всей вероятности, и сам Радищев чувствовал «сопротивление материала жизни». Отсюда и пророчества, рисующие кровавое завершение эпохи самодержавия: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обогрили нивы свои, – что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую. Я зрю сквозь целое столетие»⁶⁸.

«Уязвленность» Радищева страданиями поработленного народа была настолько велика, что успокаиваться только надеждами на будущее он не мог. Он хотел облегчить эти страдания хотя бы частично теперь же, немедленно. И, сознавая возможную в будущем гигантскую революционную ломку, всю силу своего убеждения Радищев направляет на то, чтобы донести до правительства мысль о необходимости проведения реформ, в первую очередь по освобождению крестьян.

С точки зрения рассматриваемой нами темы мировоззрения «Путешествие...» Радищева примечательно еще в одном отношении. До него образы русских крестьян преподносились в русской литературе в основном в комико-сатирическом виде, как персонажи комедий, иронически-комических поэм и комических опер. Если же писатель создавал некий положительный крестьянский образ, то в развязке выяснялось, что данный персонаж на самом деле «благородного» происхождения. Такова «крестьянка» Аня из одноименной комической оперы М. Попова, которая неожиданно оказывается дворянкой и дочерью полковника. Даже Д.И. Фонвизин в своем «Послании к слугам» смотрит на них сверху вниз, с барской снисходительностью.

Радищев же в своем «Путешествии...» отстаивает сострадательное отношение к крестьянам, декларирует народолюбие, но окрашенное при этом в яркие руссоистские тона. Эти потенции в дальнейшем найдут продолжение в «Бедной Лизе» Н.М. Карамзина, в романтических поэмах А.С. Пушкина и гораздо позднее в «Казаках» Л.Н. Толстого.

---

⁶⁷ Горький М. История русской литературы. С. 17.

⁶⁸ Русская проза XVIII века.: В 2 т. Т. 2. С. 196.

Глава 2. Основные идеи и ценностные установки мировоззрения русских философов первой трети XIX столетия

На философское мировоззрение русских мыслителей первой трети XIX столетия существенно повлияли крупные исторические события: европейская война с Наполеоном, в которой принимала участие и Россия, последовавшая затем Отечественная война 1812 г. и, наконец, восстание декабристов 1825 г. Этот новый опыт, полученный русским дворянством и крестьянством, без сомнения, изменил многие из их прежних ценностных установок, касающихся мира, человека и общественного устройства.

Одним из наиболее ярких мыслителей этого героического времени был *Павел Иванович Пестель* (1793–1826). О незаурядности этого человека говорят выдающиеся по тем временам образование, полученное в России и Германии, геройское участие в войне 1812 г. и зарубежных походах русской армии в 1813–1814 гг. С 1816 г. Пестель – один из руководителей декабристских обществ: «Союза спасения», «Союза благоденствия», а после его реорганизации на Северное и Южное – руководитель Южного общества декабристов. Вершина его революционных социально-философских взглядов – написанная им программа Южного общества «Русская правда»⁶⁹, из-за которой автор в числе пяти декабристов был приговорен к смерти и повешен 13 июля 1826 г. Остановимся на некоторых главных мировоззренческих идеях этой выдающейся работы.

Прежде всего Пестель излагает основания деления людей на повелевающих и повинующихся: либо нравственное превосходство одного (одних) над другими, либо добровольное согласие одного или нескольких человек принять на себя обязанность управлять другими членами общества и согласие управляемых. Целью гражданского общества (по Пестелю – государ-

---

⁶⁹ Полное название программы – «Русская правда, или Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного верховного правления».

ства) является «благоденствие всего общества вообще и каждого из членов оного в особенности»⁷⁰. На правительство, составляемое из повелевающих, возлагается обязанность заботиться о благоденствии всех и каждого. Народ же, повинувшись правительству, вместе с тем имеет право требовать от него исполнения этой обязанности.

Вообще обязанности, согласно Пестелю, являются естественной основой любых прав. Если же имеет место право без предварительной обязанности, то оно «есть ничто, не значит ничего и признаваемо быть должно одним только насилием или злоупластием»⁷¹.

Обязанности в государстве вытекают из его цели – благоденствия всех и каждого. А потому все, ведущее к благоденствию, есть обязанность. При этом если обязанность правительства – забота о народном благе, то обязанность народа – забота о собственном благе, а потому, делает вывод Пестель, «народ российский не есть принадлежность или собственность какого либо лица или семейства»⁷². Государство должно управляться законами, а не прихотями личных властителей. Из этого, согласно Пестелю, вытекает изменение «существующего ныне государственного порядка в России и введения на место его такого устройства, которое было бы основано на одних только точных и справедливых законах и постановлениях, не предоставляло бы ничего личному самовластию и в совершенной точности удостоверяло бы народ российский в том, что он составляет устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не может чьей-либо собственностью или принадлежностью. Из сего явствуют две главные для России необходимости: первая состоит в совершенном преобразовании государственного порядка и устройства, а вторая – в издании полного нового уложения или свода законов, сохраняя при том все полезное и уничтожая все вредное»⁷³

---

⁷⁰ Русская философия первой половины XIX века. Свердловск, 1987. С. 73.

⁷¹ Там же. С. 75.

⁷² Там же. С. 77.

⁷³ Там же. С. 79.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.